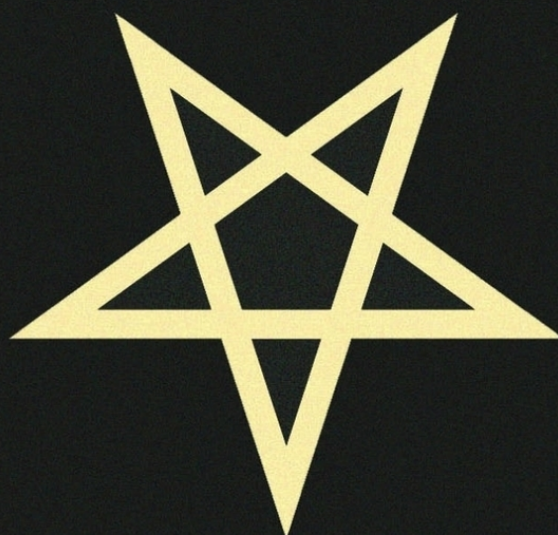

АНТИХРИСТ

АМАДЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Амадей Емельянов

Антихрист

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Емельянов А.

Антихрист / А. Емельянов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Мы все хотели бы следовать за своим "я", но часто не можем себе этого позволить, скованные рамками общественной морали и религии. Но, что, если "я" каждого из нас вдруг вырвется на свободу? Главный герой, следуя популярным сегодня в мире тенденциям в человеческих желаниях и эмоциях, становится тем, кто приводит весь мир к гибели. "Антихрист" - это не столько сюжет, сколько размышление об этике, религии и вере, а также об их роли как для личности, так и для государства. Книга ставит очень много вопросов, в том числе и главный вопрос: если добро побеждает насилием, будет ли оно оставаться добром? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Обрывок первый	5
Обрывок второй	7
Обрывок третий	9
Обрывок четвёртый	11
Обрывок пятый	13
Обрывок шестой	15
Обрывок седьмой	16
Обрывок восьмой	17
Обрывок девятый	20
Обрывок десятый	22
Обрывок одиннадцатый	24
Обрывок двенадцатый	26
Обрывок тринадцатый	28
Обрывок четырнадцатый	30
Обрывок пятнадцатый	32
Обрывок шестнадцатый	34
Обрывок семнадцатый	36
Обрывок восемнадцатый	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Пришествие

Обрывок первый

Что такое Конец Света, про который нам твердят день за днем уже второе тысячелетие? Будет ли он ярким, как удар молнии, или же тусклым, как окно моей квартиры? И когда он будет, этот Конец Света? Ведь в чередѣ бескрайних серых дней я могу легко его пропустить, не осознав, что вот Он пришел. Он настал, и всякая дорога назад с этого момента закрыта. Интересно увидеть его. Взглянуть, потрогать, попробовать на вкус. Мысль о Конце Света несѣт в себе для каждого человека панический ужас, но мысль о его отдаленности от сегодняшнего момента успокаивает. Я думаю: это случится не сегодня и не завтра, а через много тысячелетий, так что это обойдет меня стороной.

И ведь что интересно – в каждой религии Конец Света видится по-разному. Если бы я, например, был индусом, то я бы думал о вселенной как об одном разумном организме, который, как и положено каждому разумному организму (вроде меня), умирает и возрождается через равные промежутки времени. Когда он умирает, происходит коллапс вселенной и наступает Конец Света. Правда, для истинного оптимиста здесь есть весьма существенная зацепка: разумный организм вновь возродится, и вселенная будет вновь существовать. Для атеиста вселенная – это материя, появившаяся в результате Большого Взрыва. Пока вселенная расширяется, всё хорошо, но через пару миллиардов лет пойдет обратный процесс и ХЛОП – она вновь сгруппируется в одну точку. Таков Конец Света для ученых. Каков же мой Конец Света? Я знаю: Его имя Апокалипсис.

Я у берега моря. Его волны омывают подошвы моих ботинок. Осенние порывы ветра играют складками моего плаща, а по левую сторону от меня кто-то стоит. Я знаю его, но не могу вспомнить, кто он такой. Правой же рукой я нежно сжимаю ладонь девушки, но и её имя я не могу отыскать в своей памяти. Я знаю лишь то, что невероятно влюблѣн в неё и сделаю всё, что она мне скажет. Над нами ясное ночное небо, усыпанное звездами. По шоссе проезжают машины, направляясь из города и в город.

И волны моря окрасились красным. Где-то на горизонте сверкнула вспышка молнии. Наверное, надвигалась гроза. Две или три машины столкнулись, осветив ярким светом взрыва всё вокруг. Из остановившегося автобуса вышли люди. Напуганные. Непонимающие.

Горизонт словно становился ближе. Внезапно количество машин, выезжающих из города, резко увеличивается. Мимо нас проходили люди с рюкзаками, пакетами: словно старались взять с собою свой тесный уютный домашний мирок с телевизором и кофе по утрам. На всех лицах было написано только одно чувство – страх.

Ветер нарастал, достигая ураганной силы, и я с трудом оставался на месте, удерживаемый своими спутниками. Я посмотрел направо. Она улыбалась мне, нежно, с легкой примесью безумия, и её глаза, достигали всей глубины моего сердца, подымали оттуда самое сокровенное, самые мои тайные желания. Я вдруг почувствовал странный гул вокруг. Это были звуки чужих мыслей. Люди, окружающие нас, видимо тоже это заметили, и всё еще стараясь что-то передать словами, потихоньку замолкали, оставляя место лишь мыслям. Я хотел что-то скрыть. То, о чём не имел права знать никто, кроме меня, но у меня ничего не получалось. Любой, кто имел такое желание, с непристойным любопытством слушал мои мысли и с отвращением глядел на меня, невзирая на то, что творилось в их собственной голове.

Вокруг нас вспыхнули ссоры, перерастающие в драки. Никто не понимал, что происходит. Кроме меня. Я знал.

Внезапно все стихло. Наступила глубокая тишина. В ней не было места звукам, как будто темнота ночи закрыла их своей вуалью. Я повернул голову влево. «Помни, – сказала мне смутная тень моего спутника. – Наши сердца – это дёготь в обрамлении запекшейся крови. Не отступи перед этим». Его голос навевал сладкую боль. Он звучал красивым напевом, как будто слова из старой песни. Он заползал ко мне в душу, заставляя меня подчиниться и не прекословить.

А на небе одна за другой стали гаснуть звёзды.

Обрывок второй

Я открыл глаза. Оставленный включённым на ночь телевизор что-то бубнил на языке утренних программ. Сонным глазом я взглянул на старые бабушкины часы с кукушкой, доставшие мне в наследство вместе с прочим барахлом. Пять минут десятого. Пора вставать.

Я встал, прошел по коридору в ванную и взглянул на свое отражение в зеркале. Тусклые, погасшие серые глаза, сохраняющие былую память о радости детства. Тёмные волосы, слипшимися прядями разбросанные по моему лбу. Пара шрамов на виске и переносице довершают портрет.

Я набрал воду в ладони и плеснул себе в лицо. Полный кайф. Я снова взглянул в зеркало. Вода прохладными струйками сбегала вниз по лицу, собираясь на подбородке. Я вздохнул и принялся тщательно чистить зубы.

На улицу уже выходил элегантный молодой человек в деловом костюме с дипломатом в руках. Это всего лишь видимость. На самом деле я совсем даже не деловой. Зашвырнуть бы дипломат да скоротать вечер за кружкой эля. Лучший эль в нашем городе в пабе «Ливерпуль», что на Красном проспекте. Эль – это живое пиво, или еще его можно назвать пивом верхнего брожения.

У меня есть определённые репутации. Умник знает все и обо всем, но лишь поверхностно. Главное здесь – сделать умный вид и притвориться, будто вспоминаешь чьё-то имя или дату. Везунчик легко и беззаботно шагает по жизни, добываясь всего не столько своей целеустремленностью, сколько готовностью подстраиваться под жизненные ситуации. Ловелас – в обществе он как на публике. Пока есть публика, я играю, флиртую с окружающими девушками, как только публика пропадает, вместе с нею пропадает и Ловелас, и появляется угрюмо сосредоточенный мистер Серьёзность. Мистер Серьёзность появляется, если на меня долгое время никто не обращает внимания, не оценивает меня, не хвалит. В этих случаях я притворяюсь, как будто ни в чём таком не нуждаюсь. А на душе паршиво. Бандит – однажды попал в дурную компанию, но, сохранив ясность ума, остановился на умелом балансировании между криминалом и нормальной жизнью простого гражданина. Бандита боятся и уважают, и не догадываются, что все мои репутации лишь мишура, за которой скрываюсь Я. Если честно, я актёр. Я такой, каким меня хотят видеть или каким мне необходимо выглядеть. Это создаёт определённые трудности. Например, когда мне необходимо притвориться влюблённым, все симптомы этого бедствия (отсутствие аппетита, апатия, тоска по любимой) проявляются в полной мере, как и у всякого хорошего актёра.

Вот и последняя моя «любовь» привела к такому отвратительному симптому, как бессонница. Уже месяц как я не могу попасть в нормальный темп жизни. Ложусь в четыре утра, встаю в восемь часов, и единственной моей мечтой является нормальный восьмичасовой сон. Бессонница приводит к достаточно размытому пониманию мира. Он словно становится нереальным, но зато сны...

Я остановился, с лёгким оттенком приятного ужаса вспоминая сегодняшний сон. Приятный ужас – это понимание того, что это было не взаправду. Да. Сны становятся очень яркими и удивительно правдоподобными.

Мимо меня прошла девушка из моего сна. Когда она проходила мимо, я встретился с нею взглядом, и она улыбнулась. Правда улыбка не имела ничего общего с её слегка безумной улыбкой в моём сне, но в остальном она была точная копия той девушки.

– Стойте! – вскрикнул я. Я закрыл глаза и снова открыл их. Вот оно – последствие бессонницы. Моё воображение нарисовало на абсолютно незнакомой девушке приснившиеся мне черты лица.

– Я обознался, извините, – виновато улыбаясь, сказал я.

– Ничего, – улыбнулась она. Развернулась и ушла, обдав меня ароматом духов.

Я продолжил свой путь по серым улицам города. На сегодняшний день я запланировал одно славное мероприятие, которое поможет мне вспомнить чувство святости. Ведь нет прощения без крови, а мне так нужно прощение¹.

Я заметил, что больше всего люди вокруг нуждаются в любви и прощении. Третье тысячелетие – это эпоха потерянных сердец. Мы так нуждаемся в любви, что ненавидим тех, кто нас не любит.

Любовь – странное чувство. Когда пророки и проповедники кричат о том, что нужно любить Бога и всех людей, в ответ им стоит мёртвая тишина. И в этой тишине слышится лишь один вопрос: «Как это – любить?». А когда ты первый раз испытал любовь, ты знал, что тебе делать? Ты дарил цветы, писал стихи, не мог прожить и минуты без любимого человека. Ты не спрашивал, что такое любовь, ты просто испытывал любовь и знал, что твои эмоции – это то самое светлое чувство. После этого все вопросы бессмысленны. Любить людей и Бога можно лишь именно Любовью Человека, то есть захлеб, всеми эмоциями и чувствами, которые только может испытывать человек. Правда, от любви до ненависти один шаг.

¹ Отсылка к библейскому стиху послания к Евреям 9:22: «Да и всё почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения».

Обрывок третий

Я зашел в лечебницу, прошел уверенным шагом в 109 кабинет и, улыбаясь, обратился к медсестре в белом халате:

– Простите, а кровь здесь сдают?

Она скривила губы в любвеобильной улыбке вампира.

– Да, здесь. Вы донор?

– Да, – ответил я. – Только, пожалуйста, всю мою кровь не пейте, оставьте для малых детей, которые будут умирать от её нехватки.

– Это вы пытались продемонстрировать свой юмор? – она нахмурила брови.

– Что вы! Скорее его отсутствие, – сострил я и, отодвинув занавеску, прошёл в кабинет. Там меня ждал ещё один охотник до моей крови. Я сел в кресло и протянул руку.

– Другую, – даже не глядя, бросила врач, похожая больше на сбежавшего из советского плена последнего гестаповца. Я протянул ей другую руку. Она ухмыльнулась, наклонилась надо мной и, глядя в глаза, заверила:

– Больно не будет.

Больно не было.

Боль – это состояние, которое не может длиться вечно. Допустим, если бы всю вечность кому-то втыкали иголки под ногти, он бы, этот Кто-то, через пару сотен лет (хотя даже это слишком большой срок) привык бы к ощущениям и расценивал эту пытку как некоторого рода беспокойство.

Раньше я боялся боли. Пока не стал осознавать её, как нечто чуждое самому себе. Боль? Это не то, чего стоит опасаться. Всё проходит. И она пройдёт. Боли нужно радоваться, поскольку она источник жизни. Люди рождаются в муках. Зачем люди занимаются спортом? Разве не для того, чтобы в конце тренировки ощутить сладостную боль в мышцах. Боль – это показатель того, что ты живешь. Прекратится боль – прекратится жизнь. А постоянные бойцовские стычки между представителями мужской половины человечества? Желание причинить боль обидчику – это основной инстинкт жизни мужчины. Сложно понять лёгкость физической боли, пока не узнаешь...

Физическую боль очень легко перенести, трудно перенести ту боль, которая внутри тебя, в твоей душе.

Я чувствовал, как жизнь капля за каплей вытекает из меня.

– С вами всё в порядке? – заботливо склонилась надо мной медсестра. Я кивнул. Она выдернула иголку из моей вены и наложила повязку.

– Встать можете? – спросила она.

– Если честно, повалился бы здесь еще с полчаса, – ответил я голосом, полным сарказма.

– Проваливай! – довольно грубо обратилась она ко мне. – Деньги получишь в кабинете напротив.

– Я сюда не ради денег пришел! – возмутился я.

Ага. Не стоило мне этого говорить. Её глаза помутнели.

– В смысле? – спросила она, видимо, не надеясь на свои уши.

– Это мой дар во имя жизни! – ответил я ей.

– А, гхм...

– Довольно многословно, а главное по делу, – заметил я. – Удачи, – и вышел.

– Молодой человек! – услышал я вдогонку. – Сядьте на скамеечку, отдохните минут двадцать!

Угу, подумал я, и прислушался к своим чувствам. Вроде бы всё нормально. Голова не кружится. В обморок падать не хочется. Слабости не чувствую. В общем, всё в порядке.

Внезапно я ощутил своим правым плечом стену, к которой привалился, а затем медленно сполз по ней вниз. Посидев на корточках минут пять, я медленно встал и направился к выходу из клиники. Нужно все-таки слушать, что тебе говорят опытные люди, а не надеяться на себя, как обычно.

Потом, я помню, брел по улицам города, постепенно удаляясь от его центра.

– НАСТАЛ МОЙ ЧАС, И Я ВЗЫВАЮ К ВАМ!

Я оглянулся. Странный парень в тёмном кожаном плаще, подняв одну руку к небу, обращался к собравшимся вокруг него.

– ПРИЗНАЙТЕ СИЛУ ТЬМЫ, ИБО Я ПРОРОК ЕЁ! Я – ТОТ, КТО ИДЁТ ВПЕРЕДИ ГРЯДУЩЕГО ЗА МНОЙ!

– Чёртовы городские сумасшедшие! – шепнула мне на ухо стоявшая рядом старушка с желтоватым морщинистым лицом. – Ты в глаза-то его посмотри.

Я последовал её совету и в тот самый момент, когда я взглянул ему в глаза, я увидел грани его безумия. Я был Там. Я стоял на краю мира, а внизу бушевало тёмное пламя Ада. Я видел водовороты пламени и Тьмы. Я видел Червя, который точит Вечность. Я видел грядущую битву с Ангелами Господа. И кровью покрылась земля, и всяк, живущий на ней, ушел в небытие...

Обрывок четвёртый

Я очнулся от ударов ладонью по лицу.

– Если ты собираешься падать в обморок каждый раз, когда услышишь подобную чушь, тебе лучше не приближаться к местам, подобным этому.

Надо мной склонился безумного вида старикашка с выпученными водянистыми глазами.

– Ну, теперь ты выглядишь много живее, – улыбнулся он беззубым ртом.

Я встал и, шатаясь, пошёл дальше. Слабость в теле от потери крови резко контрастировала с яркими картинками воспоминаний, проносящихся в моём мозгу. Я не впечатлителен на подобного рода шоу, просто...

С детских лет я верю в Бога. Осознанно – с шести лет. Это странно, ведь все мои ближайшие родственники атеисты. Для меня не было никого, кто бы указующим перстом ткнул в небо и произнес имя Бога. Просто с детских лет я Знал, что Он существует. Для меня загадкой остаются те люди, которые отрицают Его существование. Их вера в отсутствие кого-либо, находящегося выше их самих, просто поражает. А для меня всё гораздо проще. Во мне нет упрямой веры, во мне просто знание. Для меня легче поверить в то, что самолеты не летают, а машины не ездят, чем в то, что Бога нет. Чтобы понять меня, нужно представить себе стоящее перед тобой дерево. Никто из людей не задумывается над тем, верить в его существование или нет. Они просто воспринимают его как факт и обходят его, иначе грозит опасность столкновения. Также и Бог для меня. Он реален, и всё, что исходит от него, реально. Это можно либо воспринять, либо... обойти.

Моя вера влекла меня ко многим учениям. Я следовал мудрости Вед, практиковал философское спокойствие Сиддхартхи Гаутамы, которого все называют Будда Просветленный. С шести лет, осознав присутствие Бога в своей жизни, я начал искать ему Имя. Я дошел до учения Блаватской и познакомился с обществом, члены которого обучали меня выходить в астральные миры. Однако всё разом поблекло перед учением Христа. Я не могу сказать, что сразу взял и воспринял христианство. Мне сложно было избавиться от того приобретенного груза ненужного знания, которое я собирал в течение своей жизни. Поэтому я шел на компромиссы. Старался увязать свои старые представления с тем, что я получал из Библии. И безуспешно проигрывал битву за битвой. Все мои старые представления об астральных и ментальных мирах, реинкарнациях и подобной чепухе были сметены Всепоглощающим Словом Бога. Я помню тот миг, когда, осознав свою благодарность и любовь к Создателю, я упал на колени и заплакал от осознания своей ничтожности перед Ним. Святой Дух Бога наполнил меня, и я принял Истину такой, какой она была на самом деле. Эта Истина заключалась в нескольких словах Иисуса: «Я есть Путь и Истина, и никто не придет к Отцу, кроме как через меня»². Можно приводить безумно много доводов в пользу той или иной религии, но только в христианстве можно почувствовать всю полноту Бога. Когда ты чувствуешь, как тебя наполняет Святой Дух... Это чувство доступно лишь христианину. Это было самое счастливое время в моей жизни. Я излучал радость и свет и старался рассказать каждому прохожему о том Отце, с которым я познакомился. И встречал лишь непонимание. Любовь, стремление к проповеди в своей жизни, праведность и святость – эти понятия можно встретить в любой из христианских церквей. Большую их часть молодые протестантские церкви прививают своим членам как стандарт жизни христианина. Позже, когда они становятся более «зрелыми», такие понятия блекнут, и их заменяет девиз «Бог не требует от тебя невозможного, просто будь самим собой». Это правильно. Это то, что нам нашептывает Ангел Света. Или Тот, кто принял его облик.

² Св. Евангелие от Иоанна 14:6

Есть ведь и другая сторона. Дьявол. Противник Господа. Обманищик. Лстец. Я помню его тихий шёпот в своих ушах. Возделение. Гордость. Гнев. Человек Господа живет без граней, он смотрит на то, что Бог говорит о его жизни, и просит Его помочь изменить её так, чтобы она была угодной Ему. Человек Бога не замечает плохое или хорошее в своей или чужой жизни. Он просто принимает то, что даёт ему Бог. Дьявол предлагает грани. «Хорошо, – шепчет он, – ты отказался от постоянного секса. Ты настоящий христианин. Теперь, чтобы не потерять форму, нужно немного усилить свою святость, прекратив общаться, а затем и просто смотреть на прелестных девушек». Так он вызывает Ненависть к миру. Ты уже ненавидишь прелестных девушек, тебя воротит от приятной пищи, ты готов вцепиться в морду тем, кто не разделяет твои религиозные убеждения. И ты, конечно же, не фанатик. И зря все тебя так называют. А потом Дьявол шепчет тебе о гранях святости. Какой из них ты достиг? «Посмотри, – говорит он, – ты Свят, как немногие, но может, нужно стать еще более святым. Может, нужно отказаться от свободного общения с Отцом. Ведь ты можешь сказать ненароком какую-нибудь глупость. Может, попробовать пользоваться стандартными формами молитвы, вроде «Отче наш»? Кроме того, когда тебе нечего Ему сказать, эта молитва будет замечательной отговоркой». И вот, ты уже искренне веришь в свою Святость и Непогрешимость, не замечая за собой чёрной тени своей гордости. Тебе уже не страшны нападки Сил Тьмы. Ты веришь в силу молитвы. И она исполняется. А Дьявол опасливо заглядывает тебе в глаза и спрашивает: «А ты помнишь, что такое быть простым человеком?». Отец Лжи ловит каждого человека в индивидуальную ловушку. И меня он поймал на эту фразу. И я был готов к тому, чтобы, облеченный в доспехи глупости и гордости, сойти вниз по ступеням, по которым поднялся. А когда ты уже не просто спускаешься, а летишь с огромной скоростью вниз, ты всё гадаешь, где ты ошибся. И ты кричишь. В гневе обвиняешь Господа за своё собственное падение. И отворачиваешься.

Я отвернулся. На моих плечах отныне висит изящная мантия дипломатии, скреплённая у горла фибулой кровавого договора. А сердце мое – дёготь в обрамлении запекшейся крови. Так продолжалось долгое время. Я убеждал всех и себя, что мне нет пути обратно. Я проклинал имя Бога. Но это время быстро прошло. Дьявол питается нашими эмоциями. Теперь я стал равнодушен. Единственное, что я могу иногда испытывать, – это Страх. Страх перед предстоящим Судом. Так чувствуют себя все бесы: веруют и трепещут. Это про меня говорил Иисус: «Хулящему Меня или Отца простится, но хулящему Духа Святого не простится ни в сем веке, ни в будущем»³. Я знал и отвернулся. Это худшее из мучений – видеть свой медленно приближающийся конец. Поэтому я не живу, я лишь существую. День за днём. Год за годом.

³ Св. Евангелие от Матфея 12:31-32: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам... если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем».

Обрывок пятый

Она ждала меня возле Клещихинского кладбища. Я не знаю откуда, но я понял это сразу. Мне нравятся блондинки с большими голубыми глазами, стройными ногами, большой грудью и узкой талией. Они всем нравятся. В последнее время их наштамповали столько, что глаз, куда ни глянет, видит только блондинок.

Её глаза были темно-карими, почти чёрными. В них не было и капли той наивности и коровьей доброты, которые таят глаза кукол Барби. Её глаза излучали жестокость, ненависть к этому миру в целом и бесконечную тоску. Она была слишком стройной, почти костлявой. Чёрный лак потрескался и местами открывал бело-розовую поверхность ногтя. На ней был надет серый плащ, и в руке она держала сигарету. Ветер трепал пряди её волос, окрашенные в чёрный цвет и светлые у корней.

– Курящие кончают раком, – заметил я, проходя мимо и слегка замедляя шаг, в ожидании ответа на этот распространённый риторический вопрос.

– Вся трагедия лишь в том, что он приходит слишком поздно. Поэтому его можно считать безопасным, – ответила она. – Реальные шансы любого человека дожить до сорока пяти лет очень невелики, при нынешних темпах развития смертоносных вирусов, терроризма, войн и автомобильного движения. Рак обычно приходит позже. Тогда, когда его уже можно не опасаться.

Я остановился и посмотрел в её глаза. Она была настоящая. Живая. Вокруг нас словно скользили тени других людей. Они действительно были лишь Тенями. А мы стояли и понимали, что всего два человека осознают реальность своего существования.

– Боль... – начал я.

– Это вечный двигатель нашей жизни, – закончила она.

– Любовь... – начал я.

– Самое большое разочарование XXI века, – закончила она.

– Бог... – начал я.

– Есть, – закончила она.

– Конец Света... – начал я.

– Апокалипсис, – закончила она.

Я взял её за руку. Её ладонь была холодной и слегка влажной.

– Пойдём, – начал я.

– Ко мне или к тебе? – ответила она.

Мы сидели на кухне и молча смотрели друг на друга.

– Чаю? – спросил я.

– Ты хочешь чаю? – спросила она.

– Нет.

– Я тоже. Неси вино и два бокала.

Я сбегал в магазин за бутылкой дешёвого красного сухого вина. Налил два больших бокала. Мы молча выпили.

– Ты хочешь есть? – спросил я.

– А ты? – спросила она.

– Нет.

– Я тоже.

Я налил ещё вина в бокалы. Ноги стали ватными, а голова на удивление ясной.

– Ты хочешь?..

– Нет. Задай правильный вопрос, – её голос одурманивал. Он звучал нежной песней, которой невозможно сопротивляться. Я и не сопротивляюсь.

– Какой?

– Это не тот вопрос! Ты выпил вино, а никак не можешь собраться с духом? – она нахмурила брови.

– Это будет нетактично.

– Что именно? Задать вопрос?

– Это неправильно.

– Что именно? Поцеловать меня?

– Это неприлично!

– Что именно? Трахнуть меня у себя дома?

Она встала и подошла ко мне, снимая блузку. Она была очень холодна. Как смерть.

А потом я снова ожил. Бабушкины старые часы тихо тикали в углу. Что-то бубнил оставленный включённым на ночь телевизор. Вторая подушка и чересчур смятые простыни подсказывали, что сегодня ночью я спал не один. А теперь она ушла.

Я не волнуюсь. Я спокойствие всего мира. Меня невозможно чем-то задеть, испугать, удивить. Я соль мира⁴.

⁴ Отсылка к библейскому стиху Евангелия от Матфея 5:13: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям».

Обрывок шестой

Стукнула входная дверь. Она вошла в комнату. Дым от её сигареты разнёсся по всей квартире.

– Не самый лучший секс, но ты меня удовлетворил, – она усмехнулась.

– Секс – понятие двоякое! Нельзя обвинить партнера в том, что секс понравился или не понравился, потому что в эту игру играют вдвоем. Ты такой же участник процесса.

– Согласна, – она подошла ко мне и поцеловала своими красными от помады губами. Поцелуй этот длился три минуты сорок две секунды. Потом она выпрямилась. Помада размазалась вокруг губ, и я ощутил её привкус во рту.

– Сотри помаду, – попросил я. Она взяла платок и провела им по поверхности губ. Её настоящие губы были бледно-красными, с еле заметной синевой, и потрескавшимися.

– Так лучше? – спросила она.

– Да. Как тебя зовут?

– Что имена? – она спросила глухо. – Зови меня Астарты⁵.

– А меня... – начал я. Она прижала палец к моим губам. Она сказала:

– Я не хочу знать твоё имя. Через несколько десятков лет оно уйдет из моей головы, и останешься лишь ты. Такой, какой ты сейчас есть. Зачем нужны имена, если они не могут сказать ничего о том, кому они принадлежат. Когда ты смотришь на чью-то могилу, там написано: «Трофимов Александр Анатольевич». И что тебе это дает? Имена бессмысленны. Они всего лишь ярлыки на наших телах. Люди ходят и поклоняются ярлыкам на гранитных плитах.

Она тряхнула головой, и чёрные волосы упали на её лицо. Она откинула их назад.

– Люди отдают слишком много почестей мешкам с костями, которых уже начинают есть черви. Они придумали кучу правил для того, чтобы закопать эти мешки в землю. Но и даже после этого они не могут отпустить мертвецов. Они продолжают мучить и нарушать их покой своим постоянным вниманием. Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов. Жизнь для живых⁶.

Я вспомнил о могиле своей бабушки. Я исправно ходил туда раз в полгода, чтобы поправить ограду и очистить могилу от всякого мусора. Я был неправ?

– Ты права, – заявил я упрямо.

– В чём же? – она улыбнулась нежно, с лёгкой примесью безумия.

– Я не знаю, но ты права.

Так мы познакомились.

На второй день нашего знакомства она перевезла ко мне все свои вещи.

На третий день она выкинула телевизор в окно.

На четвёртый день она разбила зеркало.

На пятый день она принесла пакет марихуаны.

На шестой день мы занимались сексом.

На седьмой день мы отдыхали.

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал⁷.

⁵ Астарта (греч. Αστάρτη, Astártē) – греческий вариант имени богини любви и власти Иштар. В христианской традиции Астарта считается символом развратности и нечистоты языческой веры. Ветхозаветные пророки проклинали поклоняющихся Астарте и сулили им небесные кары. В древнем эпосе о Гильгамеше Астарта выступает в роли совратительницы героя.

⁶ Отсылка к библейскому стиху Св. Евангелия от Матфея 8:21-22: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов».

⁷ Книга Бытие 2:2,3

Обрывок седьмой

– Мы Боги, – сказала она.

– Да? – спросил я.

– Да. Мы определяем те дни, когда мы хотим отдыхать, а в какие заниматься любыми другими вещами. Мы вольны сами определять свою судьбу.

– Сумасшедшая! – я засмеялся. – Ты просто сумасшедшая! Судьбу невозможно определить. Она сама определяет то, что с тобою случится.

– Правда? – она тоже засмеялась. – Тогда вставай, и я тебе все докажу.

Мы встали. Она накинула свой плащ, а я, как был в свитере и джинсах, вышел вслед за ней на улицу. Она ускорила шаг. Я тоже. Она побежала. Я тоже. Мы перебежали дорогу, когда чёрная Волга устремилась прямо на меня. Пять секунд до смерти. Три секунды до смерти. Это невероятное состояние невозможности выбора, когда на тебя надвигается автомобиль. Я оцепенело наблюдал за его приближением две секунды. И вдруг меня словно отпустило, и я осознал, что выбор есть. Секунда. Я отскочил в сторону, и Волга, едва не задев меня, проскочила мимо.

Она стояла и смотрела на меня с другой стороны дороги. Я подошёл к ней. Она снова пустилась бежать. Мы бежали со всей скоростью, на которую были способны. А впереди была ещё одна дорога. И по ней ездили машины. И я почувствовал удар, от которого потерял сознание.

Я открыл глаза. Надо мной был белый потолок. Дышать было больно, и невероятно болел левый бок. Видимо, были сломаны одно или два ребра. Она сидела рядом со мной и держала меня за руку.

– Это судьба? – спросила она.

– Что?

– Чтобы тебя сбила машина?

Я задумался.

– Конечно. Ведь первый раз я увернулся, и второй раз меня сбили. Конечно же, это судьба.

Она поморщила нос.

– То есть ты хочешь сказать, что ты первый раз обманул судьбу. То есть ты хочешь сказать, что на самом деле ты можешь ею управлять?

– Но! – торжествующе заметил я. – Машина меня всё-таки сбила, и судьба добилась своего.

– Но на какой-то короткий миг ты управлял своей судьбой. Почему ты думаешь, что не можешь делать этого постоянно? Когда люди говорят про спасшихся, а потом погибших: «Это судьба!», неужели они в это верят? Или они закрывают глаза на то, что первый раз судьбу всё-таки контролировали. А значит, это возможно и во второй раз. И в третий. Те, кто погибли, они просто не учли всех обстоятельств и не смогли спастись. Хотя и могли.

– Мы Боги! – воскликнул я.

– Правда, ещё ты забыл о важном моменте, – её глаза весело блеснули.

– О каком?

– Ты ведь сам выбежал на дорогу с несущимися машинами, – расхохоталась она.

Я закрыл глаза.

Обрывок восьмой

Я открыл глаза.

Она сидела рядом со мной. А за окном темнело.

Я не стал дожидаться официальной выписки, а просто оделся и сбежал вместе с Астаартой из больницы. На остановке стояли девять человек: двое юношей, трое мужчин зрелого возраста, одна девушка и три старухи лет шестидесяти. Подъехал автобус. Я шагнул вперёд. Затем сделал шаг назад. С презрением я наблюдал за давкой в автобусных дверях. А за мной наблюдала она. Одна старушка ловко пихнула локтем мужчину и прорвалась внутрь автобуса. Двое мужчин плечом к плечу попытались протиснуться сквозь двери. Вслед за ними забежала в автобус девушка, подгоняемая старухами. Мы смотрели на них с жалостью и презрением. Они напоминали стадо парнокопытных, которые всеми правдами и неправдами пытаются заполучить лишний кусок салата. Правда суета сих прямоходящих была направлена на то, чтобы получить место в автобусе. Мы медленно после всех поднялись по ступенькам автобуса, физически ощущая свое превосходство над слабым духом окружающих. Мест еще хватало, и мы сели.

В автобусе она снова заговорила.

– Мы Боги. Значит, никто не может указать, что нам делать. Ни Бог, коему мы равны, ни государство, ни любой другой человек.

– Подвинься! – довольно грубо сказал мне парень со спортивной сумкой на плече. Я ощутил внезапно приступ ненависти. Я равен богам, а он осмеливается вторгаться на МОЮ территорию. Тем не менее я подвинулся ближе к Астаарте. Она же отпихнула меня и сама отодвинулась так, что между нами оказалось место. Парень улыбнулся ей и сел между нами, широко раскинув ноги. Он что-то спросил у неё. А затем, спустя пять минут, они уже вместе чему-то смеялись.

Я ненависть. Я злоба всего мира. Я всемогущ и могу убить кого угодно. Я соль земли.

Наша остановка. Мы вышли. Парень вышел вместе с нами. При выходе из автобуса он опередил меня и подал Астаарте руку. Ненависть переполняла меня, и мне казалось, будто бы её разряды хлещут вокруг меня подобно разрядам молний.

– Тебя проводить? – спросил парень Астаарту, поправляя на плече лямку спортивной сумки.

– А ты где живешь? – она улыбалась ласково и игриво. Он с некоторым удивлением заметил:

– Мы же только познакомились?

– Ты против? – она ему подмигнула. Он показал на меня:

– Я-то нет. А что ты думаешь о нём?

Она равнодушно поглядела на меня.

– По-моему, ему всё равно, – ответила она.

– Извини, – кивнул я в сторону парня. Затем взял её за локоть и отвёл в сторону. – Какого дьявола ты делаешь? – спросил я шёпотом.

– А в чем дело? – ответила она вопросом на вопрос.

– Ты прекрасно знаешь! – ответил я. – Я думал, что между нами что-то есть.

– Думал? – она ухмыльнулась. – Может, тебе нужно меньше думать? А может, дело в том, что самочка выбирает всегда того, на чьей стороне сила? Это правило сего мира: сильный да победит. Сильному принадлежит всё.

– Хорошо, – я пожал плечами. – Это твой выбор. Ты вольна уходить или приходить. Я не могу держать тебя силой.

– Прекрати! – гневно вскрикнула она. – Прекрати эту слезливую философию спаниеля. Перевернулся на животик и ждёшь, кто бы тебя погладил или пнул. Ты хочешь меня? Так дерись за меня и получи меня. Я иду за самым сильным. За самым весёлым. За тем, кто сможет меня завоевать. Хочешь быть со мной – завоюй это право. Будь самым сильным, самым весёлым, и не надо притворяться, как будто вовсе и не хочешь удержать меня. Будь лучшим из лучших, потому что это то, чего ты достоин!

Я опустил голову. Она молча ждала. Затем развернулась и пошла навстречу парню. Я смотрел ей вслед. Я догнал её и взял за локоть. Она вырвалась. Парень подбежал к нам.

– В чём дело? – он смотрел на меня с явным презрением. Он обратился к ней. – Если ты хочешь, уйдём от него.

– Она останется со мной, – заявил я голосом, полным ненависти.

Он шагнул ко мне. Он ударил меня в левую скулу, затем в правую бровь. А я думал о каждой из своих прошлых драк. Он ударил меня в переносицу. Кровь горячими каплями стекала к подбородку.

Первый свой бой я принял в школе. В седьмом классе. Их было двое. Я говорю про бой, а не про жалкие стычки, в которых нет никаких чувств. Меня ударили по щеке. Бог призывал подставить другую щеку, а я ударил в ответ. На меня что-то нашло, и на глаза упала пелена ненависти. Когда я пришёл в себя, я бил головой о своё колено одного из парней, а второй стоял чуть поодаль и держался за разбитый нос. Они получили своё, а потом мы даже подружились. Это было очень полезно для моей репутации.

Бой – это состояние невесомости и бесконечности. А потом ты приходишь в себя и осознаешь, что у тебя разбита губа или нос или подбит глаз. Бой – это ощущение жизни. Пока ты бьёшься с противником, для тебя исчезает важность победы или поражения. Ты просто дерёшься. Все виды единоборств как один говорят о том, что необходимо подавить в себе гнев и ненависть к противнику. Ты должен быть в бою спокоен как змея и яростен как тигр. Состояние «Инь – Янь». Ярость в спокойствии и спокойствие в ярости. Это неправда. В бою самое важное это ненависть и ярость. Это то, что помогает победить.

Моя бровь была рассечена. Из носа непрерывно текла кровь. Губы распухли, а кожа на скуле лопнула. Он был сильнее меня и видимо занимался боксом или карате. А мне было всё равно. Я отрёшился от боли и от всего земного. Я подавил в себе ненависть и гнев. Внезапно из царившей вокруг меня тишины, нарушаемой хлопками ударов, возник резкий голос. Её голос.

– Не уходи! Немедленно вернись! Ты должен драться. Должен победить. Ты должен научиться использовать свою ненависть!

Её голос навязывал мне свою волю. И я не мог противиться. Откуда-то снизу начала подниматься яростная волна ослепительного бешенства. Я был всем, а он – никем. Я еще сдерживался, но чувствовал, как ярость крушит последние заслоны моего разума. Моя ненависть выплеснулась через край. Внезапно я почувствовал себя очень легко и свободно, будто в меня кто-то вселился и знал, что делать. Я ударил его сначала коленом в пах, затем, когда он согнулся, я ударил его кулаком в затылок. Кровавая пелена упала на мои глаза. Я кусал его и царапал, будто дикий зверь. Я вырывал окровавленные куски мяса. И во рту я ощущал солёный привкус крови. Чужой крови. И ещё я ощущал дикое торжество победы.

Когда моё сознание прояснилось, я выяснил, что держу в своих руках уже давно не сопротивляющееся окровавленное тело. Меня пробрала дрожь. Я прижал ухо к его груди и прислушался. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Сердце стучит. Это хорошо. Я встал. Она ждала меня. Она кинулась ко мне, словно безумная и стала покрывать поцелуями моё израненное лицо. Она впиалась в мои губы, причиняя невероятную боль и будто намереваясь высосать из них последние остатки крови. Я устал и хотел спать. Мы пошли домой.

Дома мы легли в постель.

– Что ты чувствовал? – спросила она.

– Ненависть, – ответил я. Я знал, что рано или поздно она заговорит об этом случае.

– Ты всё сделал правильно. Теперь я твоя, – она потёрлась щекой о моё плечо.

Я подумал о том, что мог бы и проиграть. Что я бы мог и потерять её. Или не мог? Теперь она была похожа на приручённую лань. Хотя скорее на пантеру. Посаженную на тонкий изящный поводок. И в любой момент этот поводок может порваться.

Обрывок девятый

– Ты не мог проиграть! – сказала она. – Тебе было за что драться. В тебе кипела ненависть. Дрался не ты, а тот демон, которому ты дал свой облик. Тот демон, которого ты вызвал своей ненавистью. Древние греки называли его Аресом, Богом войны, римляне – Марсом. На иврите его имя звучало как Абаддона. Ты не мог проиграть.

– Ты безумная стерва! – вскричал я. – Это ты заставила меня драться с ним!

– Ты должен осознать своё величие! – она засмеялась. – Человек может познать своё истинное величие лишь в бою. Твоя сила родит в других людях страх. Почему многие люди не осмеливаются драться с диким котом? Потому что он будет драться до последней капли крови. И даже крыса бывает очень опасна для человека. Когда ты осознаёшь, что стоит тебе начать драться ПО-НАСТОЯЩЕМУ, как тебя начинают бояться. А страх перед тобой – это первый шаг, который вознесёт тебя на вершину этого мира.

Страх. Все люди поклоняются этому идолу. Что было бы, если бы страха не существовало? Мы могли бы пройти по доске, положенной между крышами девятиэтажных домов, и благополучно упасть вниз. Мы могли бы давно использовать свой ядерный потенциал и взорвать эту планету к чёртовой матери. Страх необходим. Он необходимое условие нашего существования. Мы боремся за мир во всем мире, потому что боимся войны. Мы дарим льстивые улыбки окружающим, потому что боимся потерять свою репутацию. Мы выслушиваем упрёки нашего начальства, потому что боимся потерять работу. Мы ни за что не свяжемся с психом, в глазах которого горит ненависть и полное отсутствие страха. Словно в него вселился демон. Абаддона.

А я устал бояться. Я больше не могу испытывать страх. Мне нечего бояться, кроме предстоящего Суда.

Я должен её ненавидеть. Но я не мог. Я очень её хотел. Боже мой, до чего я хотел её тело. Я не прикрывался тем, что мне нужна её душа, что мне приятно её общество, что мне интересно с ней разговаривать. В тот момент мне просто нужно было её тело. И я взял её тело.

Я открыл глаза. Телевизора не было. Бабушкины старинные часы с кукушкой мерно делали свое дело.

Если бы у меня был телевизор... В смысле, если бы Астаарта не выкинула его в окно, тогда гнусавый голос диктора сейчас бы доносился до моих ушей:

– Вчера вечером в реанимационное отделение больницы №3 был доставлен зверски избитый молодой человек двадцати трёх – двадцати пяти лет. Состояние критическое. При себе документов молодой человек не имел, но была обнаружена сумка со спортивной формой. Просьба посмотреть на фото на экране. Оповестивших просим позвонить по телефону...

Я посмотрел бы на теперь несуществующий экран. Там находилось бы фото парня, сделанное на скорую руку. Но даже на плохой фотографии было бы видно, что красавчиком ему уже не быть. Я бы ощутил мимолетный приступ гордости и некоторого недоверия к себе. Это я его так отдал?

– Это Абаддона, – шепнула Астаарта, обнимая меня сзади за плечи. – Это не ты. Не жалею его.

– Я и не жалею, – ответил я. Это было правдой. Я пытался нащупать в себе хоть что-то, напоминающее жалость, но это не удалось.

– Мы Боги! – сказала она. – Мы контролируем судьбу и заставляем в страхе дрожать других людей.

– Мы Боги, – повторил я. Это уже не было торжествующей фразой. Это была констатация факта. Я принял свою божественность как нечто само собой разумеющееся.

Она поднесла к моим губам папиросу, набитую травой. Я затянулся, и в лёгкие прошла горькая порция дыма. Все вещи в квартире внезапно обрели яркость и чёткие контуры. Мои мысли начали носиться взад и вперёд, обгоняя друг друга. Я блаженно улыбнулся.

– Кайф.

Причиной утешения может быть как добрый ангел, так и злой, но для противоположных целей: добрый для успеха души, чтобы возматала и шла от хорошего к лучшему; злой же ангел – для противоположного, чтобы затем привлечь её к своему превратному намерению и лукавству⁸. Так говорит Игнатий Лойола.

⁸ Отрывок из «Духовных упражнений» («Exercitia Spiritualia») святого Игнатия, одобренных Папой Павлом III 31 июля 1548 г.

Обрывок десятый

Она хихикнула.

– Вчера ты принес мне жертву. Ты меня любишь?

– Что за глупости ты говоришь? – шутливо-серьезно ответил я. – Я тебя ненавижу! – и я не знал, сказал ли я это в шутку или на самом деле.

– Язычник! – воскликнула она. – Ты поклоняешься тому, кого ненавидишь!

– Я поклоняюсь лишь себе, – ответил я. – Только в себе я вижу Бога. Никого нет прекрасней и лучше меня.

– Запомни это, – она внезапно перешла на серьезный тон. – Запомни это и напиши огненными буквами в своём сердце. Никто не смеет говорить или думать, что он лучше тебя.

В моем сердце огненными буквами прорезались её слова. И её образ.

Я открыл холодильник и окинул задумчивым взглядом жалкие пищевые остатки.

– Сегодня мы остались без завтрака, – констатировал я.

– Ты же не хочешь сказать, что я сегодня не позавтракаю? – она наморщила лоб. С её ресниц посыпалась тушь. Глаза её были холодны и неумолимо жестоки. – Из всех грехов чревоугодие мой самый любимый.

Я пожал плечами.

– Если это так, то почему же ты не большая, жирная и толстая, а такая худая, что я постоянно упираюсь в твои ребра?

– А вот это уже другой грех, – она подняла палец вверх и поучительно заметила. – Гордыня! Мой второй любимый грех. Он запрещает мне есть настолько много, что в результате этого я потеряю свою внешнюю привлекательность.

– Наши дискуссии не наполняют наш желудок, – заметил я с иронией.

– Тогда иди и принеси что-нибудь.

Что мне оставалось делать? Я пошел и принес еду.

– Это ты называешь едой? – её глаза засверкали яростью. – Пакетпельменей! Палка варёной колбасы! Два помидора, огурец и буханка хлеба! А где вино? Где десерт? Фрукты? К чертям варёную колбасу, – она швырнула её в меня. – Я хочу салями, причём лучшую! Ты рассоливаешь что-то о том, как ты крут. Ты говоришь о своей божественности? Разве будут боги жрать такую пищу? Иди и принеси пищу, достойную богов!

Я молча развернулся и вышел.

Я злобно скрипел зубами, пока спускался вниз по лестнице.

Я вышел на улицу. Шёл дождь. Я знал, что я должен делать. Всё, что находится в этом мире, принадлежит мне. Я Князь мира сего. В полутьме арки я разглядел движение. Я ускорил шаг и залетел туда, как разъярённый вихрь. Двое бритых наголо подростка удивленно посмотрели на меня. Один из них спросил:

– Друг, курить есть?

– Я тебе не друг! – злобно оскалился я.

– Хорошо! – он развел руки в стороны, показывая, что не собирается ничего предпринимать. Тогда я вплотную подошел к нему. Он должен был почувствовать моё дыхание. Дыхание зверя. Я почувствовал, как у меня поднимается верхняя губа, обнажая звериный оскал. Наверное, именно так чувствуют себя оборотни или вампиры. Но я ведь нормальный человек? Спиную я чувствовал страх второго парня. Он не осмелится приблизиться ко мне. Он панически боится того, из чьей груди вырывается звериный рык.

– Деньги. Живо! – я сам начал обшаривать его карманы. Взял бумажник. Повернулся ко второму. – Я сказал живо!

Второй парень что-то пробормотал и кинулся бежать со всех ног. Я с усмешкой посмотрел ему вслед. Моя рука наткнулась на какой-то предмет на поясе паренька. Я посмотрел вниз. Пистолет. Я выхватил его и ткнул им ему в шею.

– Бежать, – сказал я парню. Он помчался со всех ног. Как же он был напуган, если даже не схватился за этот пистолет? Я посмотрел на стальной ствол. Это была простая пневматика, которая с близкого расстояния способна прострелить чью-нибудь башку. Детские игрушки нашего времени. В целом пистолет производил впечатление настоящего и смахивал на «Беретту». Я осмотрел бумажник. Жалкие пять сотен рублей. Я переложил их себе в карман, а бумажник выкинул. На сегодня этих денег должно хватить.

Я взял фруктов и вина. А ещё мороженого. Я вернулся домой.

Обрывок одиннадцатый

Она сидела у окна и курила. Одна створка окна была открыта и дождевые капли падали на подоконник и на пол, рядом с ним. Взгляд её был задумчив. Она мельком взглянула на меня и затянулась. За окном начинался осенний листопад.

– Почему ты постоянно куришь? – спросил я.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Мне нравится горький дым сигарет. Он очень похож на правду.

– Ты ни разу не хотела бросить?

– Нет. Ни разу. А смысл? Я ненавижу людей, который хотят бросить и мучаются из-за каждой выкуренной сигареты. Они хотят бросить, но не могут. Я могу бросить, но не хочу. На каждый грех следует идти осознанно, с полным пониманием последствий. А быть рабом греха – это значит потерять свою свободу. Я могу быть гордой именно потому, что знаю, что могу быть и смиренной. Я могу позволить себе употреблять наркотики, потому что знаю, что могу в любой момент от них отказаться. Если бы хотя бы тень сомнения промелькнула в моей голове о том, что я стала рабой своих страстей, я бы тут же от них отказалась. В этом истинная свобода, – она затянулась сигаретой.

– О какой свободе ты постоянно говоришь? – возмутился я. – Нет никакой свободы в этом долбаном мире. И нет никакой свободы за его пределами.

– Есть, – она сказала это чётко, выговаривая по буквам. – Это свобода выбора. Она есть всегда. В этом мире. И за его пределами.

– Замечательный выбор, – горько усмехнулся я. – Пребывать вечно в геенне огненной.

– Ты жалеешь? – она не поверила своим ушам. – В таком случае, почему бы тебе не возвратиться назад?

– Это невозможно. Ты сама знаешь.

– Нет. Не знаю. Объясни, – её лицо скривилось в ироничной усмешке.

– Вернуться к Богу можно лишь через любовь. Если я вернусь к Нему в страхе, это будет лишь лстивая попытка подмазаться к Его славе. Я не смогу честно славить Его и не смогу быть с Ним на небесах, потому что я пришел к Нему лишь из-за страха погибнуть в Аду. К Богу можно прийти, лишь любя Его всем сердцем своим. У меня же в сердце нет и не будет к Нему никакой любви.

– Ты ведь искренне веришь? – она спросила это тихо и даже как-то беззащитно.

– Да, – так же тихо ответил я. – Я верю более, чем многие в Церкви.

– Иногда, верить – это так больно... – в уголках её глаз засверкали слёзы. – Вера, без души – это гораздо хуже, чем мёртвая вера.

Я подошёл к ней и обнял. Она понимала меня. А я понимал её. На всё другое нам было наплевать. За окном раскатисто прогремел удар грома. Ветер схватил несколько листьев и швырнул к нам в окно.

– Ты видишь! – она закричала, и её волосы развевались на ветру. В глазах плясали бешеные огни. – Он тебя любит! Он скорбит о тебе! Ты Его потерянный наследник!

В почерневших небесах промелькнула молния.

– Я давно уже отрекся от Его любви, – в ответ ей закричал я. Во мне бушевало нечто яростное и весёлое, и оно требовало выхода. – И что Христос мне? Он не более чем Бог! А я ничем Его не хуже! Богом нас делает свобода! Свобода выбора! И я, и ты, мы равны Богу. И то, что нам гореть в Аду, лишь смешит меня. Пусть мне страшно, но это страх я выбрал сам!

Она засмеялась во весь голос. А в тон ей захохотал и я. Наши голоса сплетались с ударами грома, а вокруг нас буйствовали отсветы молний. Она посмотрела на меня. Она улыбалась, и улыбка её вмещала все богатства мира.

Нас было двое.
К январю нас стало трое.

Обрывок двенадцатый

Он вошел в нашу жизнь стремительно и внезапно, как молния. Он был весел и постоянно искрил от своей энергии. Она давно уже называла меня Ариман⁹, и никак не объясняла свой выбор этого имени.

– Ты должен быть достоин меня. И, поверь, это имя как нельзя кстати подходит к моему имени, – так говорила она. Обряд посвящения этому имени происходил в моей же комнате под оглушительный грохот тамтамов, доносящихся из моего старенького музыкального центра. Мы были в наркотическом дурмане, и она крикнула мне:

– Ты должен быть крещён!

– О чем таком ты говоришь? – крикнул я в ответ.

– Иисус крестился сам и крестил других Святым Духом и водой. Духом ты уже крещён при рождении...

– И отнюдь не Святым! – захохотал я. Она остановилась и посмотрела на меня.

– Неправда, – сказала она. – Именно Святым Духом ты крещён в жизнь вечную, а отказом от него ты крестил себя в вечную смерть. Для того чтобы стать истинно свободным, необходимо сначала познать, что есть рабство. Ты должен осознать, что ты раб. И принять свою свободу. Но кроме отречения должна быть кровь и боль.

– Кровь и боль? – я засмеялся. – Что же может быть проще?

Она протянула мне нож. Я был пьян от наркотиков, и почти не осознавал своих действий.

– Делай так, как считаешь нужным, – сказала она. Я взял нож.

– Не бывает прощения без крови. И не бывает отречения без боли.

«Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения»¹⁰.

Я полоснул ножом по предплечью. Боль огненной линией прожгла руку. Звуки тамтамов разрывали мою голову на части. И посреди этого мне ясно слышались чьи-то слова.

Мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя¹¹. Нет правды в Хаосе, потому что изменчивость сама суть его. Скажешь правду – миг изменится она и превратится в ложь, потому и нет правды в хаосе!

Ещё одна кровавая линия появилась на моём предплечье.

Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием¹².

Злодейством своим мы будем сыты и да веселятся цари и князи от наших речей¹³.

Мы же говорим, нет на нас греха и лжёт сказавший обратное. Наказание ему – презренье от всех нас. Лишь слабый может признать себя виновным.

Пугали гневом божьим с неба на всякое нечестие и неправду, которые делали мы, дабы подавить истину Нашей правдою. Но, что можно знать о боге, явно для нас, потому что он сам явил Нам.

⁹ Ариман (древнеперсид. «Ahrīya mainyu») – бог зла в религии древнего Ирана, зороастризме. Он источник зла, несправедливости, всех вредных сил природы; во всякое доброе начинание он может заронить зерно зла. Ему подчинены все другие злые духи.

¹⁰ Послание к Евреям 9:22

¹¹ В Исаия 28:15 слова пророка Исаи, обвиняющего Ефремлян: «Так как вы говорите: «мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, – потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя».

¹² Осия 4:2

¹³ Осия 7:3: «Злодейством своим они увеселяют царя и обманами своими – князей».

Но Мы, познав бога, не прославили его как бога и не возблагодарили, но ушли от него в умствованиях своих, и мраком покрылось сердце Наши.

Еще один всплеск боли донёлся от моей руки. Кровь тяжёлыми каплями начала капать на пол.

Называя себя безумными, обрели мудрость, и блеск мёртвой славы совершенного бога изменили в образ, подобный Нам, и поставили не его, а Себя превыше всего, – за то и оставил нас бог.

Мы заменили истину божью Своею правдою, и поклонялись, и служили Самим Себе вместо творца, которого проклинали во веки.

И Мы не заботились иметь бога в разуме. За то и исполнены Мы всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Мы знаем праведный суд божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делаем, но и делающих одобряем. И никогда не просим прощения, потому что не считаем себя виновными ни перед кем.

Я ударил себя ножом по предплечью. В моей душе пела дикая ярость свободы.

Мы совратились с пути божьего, до одного негодны; нет делающего добро среди нас, нет ни одного. Гортань Наша – открытый гроб; языком своим обманываем; яд аспидов на губах наших. Уста наши полны злословия и горечи. Ноги наши быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях наших; Мы не знаем пути мира. Нет страха божьего перед глазами нашими. И отвергаем правду божью о прощении. Отвергаем и проклиная имя бога. Аминь!¹⁴

Последний удар. Последний всплеск боли. Тамтамы затихли. Кровавые линии опоясали мою руку и стекали вниз. На моем предплечье кровавыми линиями была выведена пятиконечная звезда¹⁵. Только теперь я понял, что за голос говорил все это время. Это был мой голос.

Послышался тихий, как вздох, голос Астаарты:

– И да будет имя твое Ариман.

Теперь нас трое. Его имя – Маммона¹⁶. И на его предплечье красуется пятиконечная звезда. Я не знаю, почему мы выбрали именно этот знак. Никто из нас этого не знал. И я не знал, почему наши имена – это имена демонов Ада. Или знал, но не хотел признать этого перед самим собой.

¹⁴ Текст, обратный по смыслу тому, с которым обращается святой апостол Павел в 3 главе библейского послания к римлянам.

¹⁵ Пятиконечная звезда, представляющая собой правильный пятиугольник, стороны которого продолжены до точек пересечения, называется пентаграммой. В труде Элифаса Леви «Учение и ритуал Высшей магии» указано: «Пентаграмма с двумя восходящими концами представляет Сатану в виде козла на шабаше».

¹⁶ Мамона (также маммона), греч. μαμωνας, лат. Mammona – используется в христианстве как олицетворение богатства, от служения которому предупреждаются все верующие. В Евангелии от Матфея 6:24: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне».

Обрывок тринадцатый

На улицах мела метель, задувая за шиворот сотни крохотных снежинок. Астаарта шла в расстёгнутом плаще, без головного убора. Я шёл рядом. На мне было серое пальто без единой пуговицы. Оно вздымалось за моей спиной серыми крыльями. На голове у меня также ничего не было. Мы просто шли и молчали. А впереди показался молодой паренёк с кипой книг в руках. Его белокурые волосы развевались из-под шапки. Лицо было красивым и слегка высокомерным.

– Вам не жарко? – спросил он с иронией, проходя мимо.

– Нет, – ответил я. Я бы мог и не удостоить его ответом, но не удержался.

– А знаешь в чём секрет? – спросила Астаарта парня. Тот молча помотал головой. Она улыбнулась своей вечно безумной усмешкой. – Главное иметь горячее сердце. Тогда никакой мороз не страшен.

Мы направились дальше. Он нагнал нас минутой позже.

– А как это? – нерешительно начал он. – Как это – иметь горячее сердце?

– Это значит слегка подогреть его в духовке, – смеясь, ответил я.

Он насупился.

– Издеваетесь?

Я посмотрел на него. Он на меня. С удивлением я заметил, что в его глазах горело искреннее желание присоединиться к нашей тайне. Он услышал те слова, которые заделали его, и он хотел понять их смысл.

– Так как? – спросил он. В его голосе не звучала ирония и злоба, а только легкое сожаление об упущенной возможности приоткрыть тайну.

– Вечный огонь ада согревает моё сердце, – ответил я.

Он не удивился и не нахмурился. Даже тени удивления не было на его лице. Он провёл рукой по светлым волосам, откидывая их с лица.

– И ты не жалеешь об этом? – спросил он.

Я молча пожал плечами. Внезапно в его глазах я увидел тот страх и ту боль, которые мы носили в себе уже долгое время. Мы трое стояли молча. А вокруг назад скользили тени. Менялись судьбы мира.

– Вы сатанисты? – спросил он наконец.

Мы переглянулись и рассмеялись. Мы никогда всерьёз не задумывались над этим.

– Нет! – ответила Астаарта. – Мы не сатанисты! Они те же христиане с теми же обрядами, только наоборот. Мы выше тех и других! Мы свободны от их предубеждений! Мы вольны ходить в церковь или не ходить в неё! Мы вольны совершать Чёрную Мессу или не совершать её. Нам всё равно. Мы свободны! Для нас не существует правил, кроме одного: делай, что хочешь, и не задумывайся о последствиях. Сегодня мы можем пройти мимо нищего и подать ему милостыню, а завтра ограбить и изнасиловать молодую леди. Мы не христиане. Мы не сатанисты. Мы выше их. Мы – демоны!

Я удивлено взглянул на неё. Это было что-то новенькое. До сих пор она называла нас богами. Затем я посмотрел на парня. Он тоже выглядел ошеломлённым.

– Из какой больницы вы сбежали? – наконец спросил он. – Демоны?

Астаарта пожала плечами:

– А чему тут удивляться? Значение слова демон – «полный мудрости». Когда древние греки рассуждали о падших ангелах, они говорили не «демон», а «какодемон». В отношении же доброго ангела они употребляли выражение «эудемон». А мы просто Демоны, – она засмеялась, глядя на его удивление. – Моё имя Астаарта, а его, – она кивнула в мою сторону, – Ариман.

– Это ведь не ваши настоящие имена? – спросил парень.

– А что можно назвать настоящим в этом мире? – ответила Астаарта вопросом на вопрос. – Я вижу: ты настоящий. Поэтому мне не нужно твоё имя, потому что оно лишь бирка на мешке с костями. Мне нужно имя твоей души, чтобы после смерти я могла узнать тебя.

Он наклонил голову. Тень опустилась на его лицо.

– Пойдём с нами, – внезапно предложил я.

Он поднял голову.

– Куда? – спросил он.

– А не всё равно? – ответил я. – Ведь конечная цель нашего пути одна.

Я угадал. Он снова опустил голову. Он был такой же, как и мы. Словно отмеченный некой мрачной печатью.

Обрывок четырнадцатый

Мы сидели молча у меня в комнате и пили вино. Оно было тёмно-красным и напоминало кровь. Астаарта переделалась в длинное белое платье, которое подчёркивало бледность её кожи. Теперь она встала и стала кружиться в медленном вальсе под печальные звуки классических мелодий.

– Знаете, – вдруг сказал парень, – это неправильно.

– Что? – спросил я.

– Если мы... то есть, если вы демоны, то вы знаете, что уготовано вам в конце пути?

– Конечно, – горько усмехнулся я.

– Почему вы не пытаетесь вернуться?

Я вздохнул, а Астаарта принялась еще яростнее кружиться по комнате. В одной её руке был бокал с вином, а второй рукой она размахивала в такт музыке.

– Скажи мне: Бог есть любовь и прощение?

– Да, – ответил он твердо.

– Тогда почему он не может простить того, кто больше всего в этом нуждается? Почему он не может простить своего первого павшего ангела? Ты хочешь принести в этот мир любовь?

– Очень хочу.

– Тогда молись за того, кто ввергает этот мир в геенну огненную. Молись за убийцу мира. В растерянности юноша задумался. Наконец решительно потрянул головой.

– Вы же знаете, что Бог вас примет назад, – его голос окреп. – Я сам ушел из Церкви, но вот уже месяц как я снова на пути к Богу. Я просто попросил прощения, и он простил меня. Если вы попросите, он вас тоже простит.

Я сжал кулаки. Астаарта кружилась в безумной пляске, роняя по пути стулья. Парень заворочено следил за ней. Затем он потрянул головой, словно избавляясь от наваждения.

– Вот, – сказал он, доставая из кипы своих книг Библию. – Смотрите, что здесь написано...

Я наклонил голову. В моих ушах зазвенело. Наверно это Астаарта сбила на пол один из бокалов.

– Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную...¹⁷

– Остановись! – вырвалось у меня.

Астаарта замерла. Бокал в её руке лопнул, и вино, смешанное с кровью, пролилось на её платье. Её губы дрожали. Глаза угрожающе потемнели. Она с трудом улыбнулась.

– Он тебя простил? – она жестоко ухмыльнулась. – А ты его простил?

– Я? – растеряно спросил парень. – За что?

– Как за что? За мучения пророков и святых! За сотни тысяч жизней, украденных им у младенцев в Египте!¹⁸ За мучения Иова!¹⁹ За каждую пролитую им кровь! У него, видите ли, не бывает прощения без крови!

– Творец! – прокричала она, упав на колени и подняв голову и руки к потолку:

¹⁷ Св. Евангелие от Иоанна 3:16.

¹⁸ Астаарта говорит о том, что описано в библейской книге Исход 12:29: «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота».

¹⁹ Персонаж библейской книги Иова. По разрешению Бога, чтобы испытать его праведность Сатана лишает его всего богатства, всех слуг и всех детей, а когда и это не поколебало Иова, то Сатана поразил его тело страшной проказой. Болезнь лишила его права пребывания в городе: он должен был удалиться за его пределы и там, скобля струпья на своем теле черепком, сидел в пепле и навозе. Все отвернулись от него.

*Анафемы как грозная волна
Несутся ввысь к твоим блаженным серафимам!
Под ропот их ты спишь в покое нерушимом,
Как яростный тиран, упившийся вина!
Творец!
Затерзанных и мучеников крики
Тебе дрожащею симфонией звучат!
Ужель все крики их, родя кровавый чад,
Не переполнили еще твой свод великий?²⁰*

Музыка вторила её словам раскатистыми аккордами. Астаарта повернула голову в сторону нашего гостя и грозно сверкнула глазами.

– Итак, – спросила она, – Ты готов?

– К чему? – спросил он дрожащим голосом.

– Ты знаешь! – ответила она. – Именно поэтому ты пошёл за нами. Именно это ты хотел увидеть и услышать. Да! Ты не один мятежный дух. Мы знаем, как тебе тяжело! Но ты не один. Ты ушел от Бога, потому что видел несоответствие между Его любовью и Его поступками.

– Но... Иисус умер за людей, – робко возразил гость.

– А сколько людей умерли за Бога? – опровергла Астаарта. Я восхищался ею. Она была настоящим демоном-искусителем. Она знала, что хочет услышать каждый из нас. Она была прекрасна.

– Но... люди... Люди первые согрешили перед Богом.

– Грех – это дословно «мимо цели»²¹. Мимо цели, поставленной Богом. Ты хочешь и впредь быть рабом? Тогда убирайся отсюда! – гневно крикнула она. – Ты был приглашен как свободнорожденный, но если ты хочешь оставаться рабом, то убирайся прочь.

Наш гость встал и медленно пошел к двери.

– А пока ты не вышел на улицу, – продолжила Астаарта уже более тихим голосом, – Подумай над следующим: спасутся лишь сто сорок четыре тысячи избранных²². Остальные погибнут в адском огне. Ты уходишь к Нему потому, что ты Его действительно настолько любишь, что готов оправдать все его поступки? Ты ведь уверен, что у тебя не возникнут сомнения и до конца своей жизни ты проживешь в согласии с Богом. Иначе, глупо было бы потерять время на этом свете и вечность на том свете.

Он взялся за ручку двери.

– Ты ведь уходишь не из-за страха? Не из-за боязни погибнуть в Аду?

– О чём ты мечтаешь? – внезапно спросил я.

Он остановился. Обернулся. Прищурился и улыбнулся.

– Я мечтаю о том времени, когда я попаду на небеса и встречу с Ним. Первую тысячу лет я буду задавать Ему вопросы обо всем, а затем возьму Его за руку и пройду пешком по всей вселенной.

Я кивнул и мрачно улыбнулся в ответ.

– Если от вселенной к тому времени что-нибудь останется. Иди.

Астаарта посмотрела на меня. Затем на него. Тоже кивнула.

– Иди.

– Пока! – сказал он, открывая дверь. – Я буду за вас молиться.

²⁰ Стихотворение «Отречение Святого Петра» французского поэта Шарля Бодлера, вошедшее в сборник «Цветы зла».

²¹ Греки обозначали понятие греха словом *αμαρτία* (*амартия*), означающим «промах, погрешность, провинность», либо синонимичным ему словом *λαβή* (*лабе*); а иудеи – словом «хэт» (непреднамеренный грех) – «промах».

²² Отсылка к библейскому отрывку из Откровения Иоанна Богослова 7:4: «И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых».

Обрывок пятнадцатый

За дверью стояла чья-то тень.

– Пропустишь? – раздался чей-то громкий голос. Наш гость бочком выбрался из дверей, и его шаги раздались на лестнице. А в нашу комнату вошел еще один Гость. Он был полной противоположностью тому, кто вышел. У него были черные волосы, зелёные глаза. Лицо было ассиметричным и некрасивым. Одет он был в офисный костюм. Синий пиджак, серые брюки, голубая рубашка, красный галстук. На вид ему было лет двадцать пять – двадцать семь. Зелёные глаза пристально смотрели на нас.

– Я случайно услышал ваши рассуждения. Можно присесть? – не дожидаясь ответа, он прошёл внутрь комнаты и сел в кресло. – Продолжим знакомство?

– Продолжим, – высокомерно кивнул я. – Чай? Кофе? Кофе нету!

Он рассмеялся громко и раскатисто.

– У вашей дамы с руки течёт кровь, – он достал платок и передал его Астаарте. – Вообще-то я бы не отказался от вина.

– Вино всё выпили, – пожал плечами я. Нельзя сказать, что гость мне не понравился. Просто, раз уж я начал играть в высокомерие, то следует продолжать в том же духе.

– Одно мгновение, – предупредил он, исчезая за дверью.

Мы с Астаартой растеряно переглянулись.

– А вот и я, – раздался его голос. Гость вошел, держа в руках две бутылки с хорошим французским вином. В ответ на наши удивленные взгляды он заметил со спокойной улыбкой. – У меня дома есть небольшой запас. Я привез из Франции.

«Мажор!» – подумал я с презрением.

– Я знаю, о чём вы думаете, – сказал наш гость.

– О чём же? – скривил я губы.

– Вы считаете, что я кичусь перед вами своим материальным положением, но это не так. Астаарта попробовала вино. Улыбнулась и, смешно наморщив нос, заметила:

– Очень вкусное. И настоящее.

Он кивнул.

– Я очень люблю хорошие вещи. Хорошую еду, хорошие вина. Я люблю этот мир за то, что в нём есть подобные вещи. На мой взгляд, несправедливо наказывать человека за его привязанность к этому миру. Как вы считаете?

Возникла пауза. Когда он понял, что мы не собираемся отвечать, то продолжил:

– Если честно, для меня были сюрпризом те слова, которые вы говорили гостю, который ушел от вас. Не будет нескромным вопрос: кто вы такие? У вас какая-то секта?

Мы расхохотались.

– Она Астаарта, – я ткнул пальцем в нее. Затем в себя. – А я Ариман. И у нас нет никакой секты.

– Так же, наверное, говорили первые апостолы друг другу и римлянам, – заметил он. – А всё потому, что у них действительно не было никакой секты. Ведь то, что они делали, это была их жизнь.

Он помолчал. Затем продолжил:

– Вам не кажется, что главной задачей тех, кто отрекся от Господа, является наслаждение жизнью в этом мире? Ведь на том свете нам ничего не светит, – он залпом допил своё вино. – Кто может быть более деятелен, сообразителен, жесток и изобретателен, как не человек, которому нечего терять? Такие люди опасны, – он ухмыльнулся. – Ведь именно они двигают мир.

Мы опасны. Мы дикие животные. Сразись с диким котом – и почувствуешь разницу между диким и домашним миром. В нашем уютном домашнем миреке нас окружают вещи,

овейные теплом домашнего уюта. Они добры, теплы, радушины ко всем. Они заканчивают свой жизненный цикл, и о них никто не вспомнит. Мы же оставим о себе тёмную память на долгие века, потому что нам нечего терять.

– Итак, я бы хотел узнать, чего же вы хотите? – упрямо произнес я.

– Прошу прощения, с этого я и должен был начать разговор! – почти ласково извинился гость. – Я юрист и ищу одного человека, – он открыл блокнот в дорогом переплете. – Его имя...

Его имя полностью совпадало с моим именем. Стоило ли удивляться?

Обрывок шестнадцатый

– Кто-то хочет со мной судиться? – достаточно грубо спросил я.

Гость рассмеялся. Рассмеялся искренним смехом, который так нравится людям. Но в его смехе слышалась какая-то незавершенность. Искренность и ласковая нежность этого смеха на какой-то ноте просто обрываются жестким смешком. Но и это тоже располагало к нему.

– Нет, судиться с вами никому не хочется, – ответил он. – Собственно, я так думаю, что вас можно поздравить.

– С чем?

– Насколько я могу судить по своим документам, ваши родители попали в автокатастрофу с летальным исходом... – тут он глянул на меня и его лицо приобрело растерянное и озабоченное выражение.

Я оцепенел. Прислушался к своим чувствам.

– Поздравить? – хрипло спросил я, вставая.

– Хм... Простите мне моё отсутствие такта! – воскликнул гость. – Я думал, что вам уже сообщили. В таком случае, прежде всего, позвольте посочувствовать.

В моих висках стучала кровь. Голова как будто разрывалась.

– И всё-таки, – продолжил он. – Я здесь совсем по другому делу. Ваши родители сделали несколько очень удачных инвестиций. И реорганизация в акционерном обществе привела к тому, что вы на текущий момент являетесь счастливым обладателем нескольких миллиардов рублей и владельцем маленького нефтяного бизнеса.

Я слушал и не верил своим ушам. Затем я попытался заплакать. Затем – сдержать улыбку. Через мгновение я хохотал во весь голос.

– Уважаемый! – закричал я. – Так тащите ещё своего грёбаного вина, мы будем обмывать счастливые обстоятельства моей жизни.

Может быть, кто-то меня осудит. Но разве Иисус не сказал: «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов»? Землю – живым! Если человек умер, то глупо лить слёзы по этому поводу. Можно плакать, что ты не достаточно с ним общался, что ты сделал много ошибок в общении, что ты не успел к дележу наследства. Но смерть как таковая не стоит слёз.

Каждый раз, когда я бываю на похоронах, мне приходится выдавливать из себя слёзы. Я слышу по углам шутки на тему молодых вдов, я вижу пьяные довольные рожи соседей по столу, я ощущаю запах секса в гостевых кроватях ночью. Ничто так не возбуждает мысли о жизни, как смерть.

Мы пили вино. Ночь проходила в бессвязных разговорах ни о чем. Вдруг наш гость заметил:

– Мне было бы очень интересно с вами общаться и далее. Если вам это интересно, то я мог бы быть вашим, так сказать, поверенным в делах бизнеса.

– Зачем мне это? – спросил я.

– Потому что у меня большой опыт общения с деньгами, – ответил он.

– Большой? – зачем-то уточнил я.

– Очень! – улыбнулся гость в ответ. – Вы даже не представляете насколько.

Показалось мне, или в его улыбке виделась горькая усмешка?

– Кроме этого, я знаю многих лиц, достаточно влиятельных, чтобы обеспечить уважение не только к вашему капиталу, но и к вам лично. Капиталы, знаете ли, в нашей стране, как и в любой другой, требуется охранять. Итак, что вы об этом думаете? – спросил Гость.

Сказать, что мы думаем о том, чтобы надеть приличную одежду, войти в светское общество, завязать знакомства и начать зарабатывать приличные деньги? Думаю, любой на нашем месте сделал бы тот же выбор, что и мы.

– Почему вы, – я подчеркнул «вы» таким тоном, полным уважения и холодности одновременно. – Почему вы предлагаете это нам?

– Я задам тебе один вопрос: какие последствия для России будет иметь легализация марихуаны?

Я немного растерялся, но в течение нескольких секунд пришел в норму, и мой мозг заработал в полную силу.

– Легализация марихуаны вызовет большой приток денежных средств в казну государства, поскольку большая часть денежного потока сегодня скрыта от правительства, а при легализации эти денежные средства будут облагаться налогами и сборами.

Все-таки не зря я учился в институте. Хотя до конца я никогда не понимал общепринятой системы образования. С учетом тех денежных средств, которые я выкладывал (а точнее мои родители), я бы мог получить тот же самый (и даже больший) объём информации, сидя в публичной библиотеке, иногда глядя на проходящие мимо юбки. Обычно люди учатся, чтобы получить бумажку – «диплом», а затем, свято веря в своё светлое будущее, работают на уровне младших менеджеров или еще хуже. И говорить: «Мне повезло. Я работаю в Офисе. Я буду работать в Офисе до конца жизни». Магическое слово «офис».

– Ты все сказал правильно, – заметил наш Гость. – Еще один вопрос. Как ты опишешь проституцию?

– Древнейшая из профессий, – ответил я. – Между прочим, весьма нужная. Если бы не они, маньяков на улице уж точно было бы раза в два больше.

– Вот поэтому вы мне и подходите, – улыбнулся Гость. – Большинство людей думает нормами общественной морали, которую вы полностью отрицаете. Легализация марихуаны и проституция – это плохо. Они всё видят в двух цветах – белом и чёрном. Вы видите практическую сторону дела. Вам всё равно, какой вред может причинить нанесенное вами разрушение, если оно не коснется вас самих. Для вас самое главное – получить удовольствие в этой жизни, поскольку обещание вечной жизни вас не касается.

Мы согласились с ним. Он был Иным. Не таким, как все. Имя ему было Маммона, ибо везде он видел деньги. Вместе с ним мы обрели настоящий вкус к жизни. В его жизни все устроилось само собой. Отец при Союзе курировал одну из нефтедобывающих компаний, а после развала СССР сделал ход конем и стал во главе компании. Маммона стал во главе юридического отдела. Впоследствии юридический отдел вышел из подчинения главной компании и зарегистрировался в отдельную фирму. Ещё позже Маммона юридическим путем отобрал у отца компанию. Отцу оформил небольшой домик в деревне, снабжая его всем необходимым. Так что у Маммоны всегда были деньги и влияние. И, что самое главное, он был готов предоставить и то и другое в наше пользование.

Обрывок семнадцатый

Первое, что мы сделали, это пошли все вместе по магазинам. Астаарта устроила из этого целое шоу. Она корчила смешные рожицы и указывала своим тоненьким пальчиком на самые дорогие вещи и верещала: «Хочууууууууууу!» Она весело смеялась, примеряя то один, то другой наряд. Но я видел, что глаза её остаются такими же тёмными, печальными и безумными, как и всегда.

Ты проходишь мимо толпы в джинсовой одежде с множеством карманов, в которую одевается большая часть нашей современной молодежи. Она дает тебе чувство свободы. Наполняет душу рекламным желанием выпить пива и оторваться с друзьями в клубе. Твои брови подняты, а на лице играет легкомысленная улыбка вечного студента, готового к общению с любым встречным.

*Ты проходишь мимо толпы в одежде от ведущих модельеров мира. Классический немецкий костюм серого цвета в тонкую полоску. Белая французская рубашка из стопроцентного хлопка. Большой красный английский галстук. Чёрные лакированные итальянские туфли. В руке дипломат из коричневой кожи. Ты чувствуешь себя частью небольшого элитного сообщества, которое двигает миром. Твоё лицо угрюмо, и в уме ты столбиком вычисляешь те дивиденды, которые принесут твои финансовые вложения. Твоя походка так же сосредоточена, как и ты сам. От тебя пахнет дорогим французским парфюмом. Твой взгляд серьезен и сосредоточен на **ОЧЕНЬ ВАЖНЫХ** вещах.*

Ты проходишь мимо толпы в спортивной майке с открытым рукавом, которая подчёркивает изгиб мускулатуры. Спортивные штаны от Nike, с белыми широкими полосами по бокам. На ногах белые носки и ослепительно белоснежные кроссовки от Adidas. Твоя походка легка и упруга. Ты словно не идешь, а мягко перетекаешь с места на место с быстротой и изяществом леопарда. От тебя исходит лёгкий запах пота, смешанный с ароматами дорогого одеколona и дезодоранта. Ты чувствуешь себя хозяином дня сегодняшнего. Ты улыбаешься уверенно и слегка надменно.

Ты проходишь мимо толпы в одежде, которую можно отнести к неформальному образу жизни. Твои джинсы протёрты в нескольких местах, и на них красуются надписи на английском и русском языках. Дешёвая рубашка в шотландскую клетку. Рукава её завернуты по локоть. На плече висит кожаный рюкзак, наполненный всяким барахлом на все случаи жизни. На ногах у тебя мощные армейские ботинки с толстой подошвой. Твои волосы ниже стандарта. На шее у тебя висит кулон в виде листа конопли. Твоя улыбка слабая и неуверенная. Ты чувствуешь себя аутсайдером, которого отвергло приличное общество.

Интересно смотреть, как меняется выражение лиц людей, когда ты проходишь мимо них в различной одежде. Равнодушие, уважение, страх, презрение.

И кто сегодня я? Что я хочу внушить? Твоя одежда определяет твоё отношение к миру и его отношение к тебе. Кем ты хочешь быть?

– Отлично! – одобрительно кивнул Маммона. Он прищурился, ухмыльнулся, достал фотоаппарат и попросил нас взяться за руки. Астаарта двумя руками обвила мою правую руку и повисла на ней почти всем своим весом. Она оделась в простую, но изысканную одежду: белый топик, подчеркивающий сексуальный изгиб её животика, и эластичные светло-голубые джинсы. На ее ногах были розовые носки и белые кроссовки.

Раздался щелчок и наш облик вошел в вечность.

– А теперь нам надо определиться, на чём вам передвигаться, – недвусмысленно заявил Маммона.

Астаарта взвизгнула от восторга и кинулась его обнимать. Он уверенно провёл рукой по её волосам.

– Я ещё ничего не сделал, – сказал он. – И вы ещё ничего не видели.
Мы купили одежду.
Мы купили машины.
Мы купили дом.

Обрывок восемнадцатый

– Мы здесь будем жить, – заявил Маммона, входя на кухню второго этажа. – А на первом этаже мы сделаем офис.

Мы сидели на стульях и пили лучшее французское вино.

– Я согласен, – кивнул я.

– Я тоже, – подтвердила Астаарта.

– А теперь поговорим о делах, – сказал он.

Я вдохнул горький дым тлеющей травы. В голове наступило просветление. Я улыбнулся и ткнул пальцем в него.

– Предлагай, – коротко сказал я.

Мы все были под легким кайфом, и Маммона начал говорить:

– Мы потворствуем всем нашим желаниям, а не воздерживаемся от них. Мы наслаждаемся жизнью на этой земле, вместо несбыточных духовных мечтаний. Мы ненавидим лицемерие и обман прихожан христианских церквей, втайне мечтающих о том, что мы делаем явно. Мы одариваем уважением и богатством тех, кто этого заслуживает, вместо любви и жалости ко всем людям. Мы не подставляем под удар другую щеку, а в ярости уничтожаем нашего обидчика, ибо наша месть страшна. Мы самые опасные из всех животных, живущих на земле. Нам не нужна любовь, нам нужна плотская страсть. Не поклоняясь никому, мы с радостью предаёмся тем грехам, которые дарят нам наслаждение. Мы составляем братство равных. Мы говорим: сильный победит, слабый погибнет. Вы для меня родные, но, если кто из вас позволит себе слабость, я убью его!

Мы переглянулись. Это уже у нас вошло в привычку, словно мы каждый раз перед тем, как что-то сказать, мысленно советовались друг с другом. Я уступил слово Астаарте.

– Чтоб ты сдох! – сказала она с ласковой улыбкой убийцы.

Маммона кивнул.

– Да! Именно об этом я и говорю! Мы не дадим спуску друг другу. Нам не нужны никакие законы, ведь мы чувствуем их своей кожей. Вот те законы мира, по которым мы живём:

Потворствуй своим желаниям.

Наслаждайся своей жизнью.

Избегай лицемерия.

Уважай тех, кто того заслуживает.

Мсти: удар за удар, боль за боль, кровь за кровь, смерть за смерть.

Будь опасен.

Предавайся грехам, которые дарят тебе наслаждения.

Твоя свобода кончается там, где начинается свобода другого...

Он осекся. – Правда, это правило имеет исключение. И в случае исключения один из Свободных будет мёртв, – он ухмыльнулся, довольный своей иронией.

Я жевал бутерброд и слушал их философию. Мне было до чёртиков, о чём они там разговаривают. Я уже столько слышал обо всём этом, что начинало приедаться. Даже Астаарта стала какой-то тусклой. Я мысленно усмехнулся: ещё более тусклой, чем раньше? Тут же поправился: ведь она тусклая только снаружи, а внутри...

Я не сразу заметил, что наступила тишина. Моя сумасшедшая спутница жизни одним прыжком подскочила к моему креслу.

Астаарта приблизила свои глаза к моим и зажмурила один глаз.

– Я хочу увидеть, что у тебя внутри! – заявила она, заранее предупреждая всякие возражения.

Я тоже зажмурил один глаз и уставился прямо в ее чёрный зрачок. Сначала я видел лишь темноту в её глазах. А затем внезапно эта темнота навалилась на меня и окутала со всех сторон. Я стоял один посреди окружающей меня Тьмы. Меня окутал панический ужас перед неизведанным. Словно я слишком рано ступил за порог жизни. Одновременно с этим я осознавал, что на самом деле стою и смотрю в глаза Астаарты. Это было странное и двойственное ощущение. Затем глубоко в темноте я рассмотрел слабый проблеск огня. И, когда я его заметил, огонь стал разгораться всё сильнее и сильнее. Он приближался ко мне и готов был схватить меня в свои пылающие объятия. Лизнуть мне лицо языком пламени и поглотить мою вопящую от боли плоть.

Среди синих лепестков огня танцевала она. Её тонкое тело сгибалось в немислимых движениях под нескончаемый грохот барабанов. Её левую руку обвивала мёртвая роза. Ссохшиеся лепестки цветка лежали в ладони Астаарты. Её тело было обнажено, а за спиной развевались два чёрных крыла. Я видел её так близко, что мог бы пересчитать перья на её крыльях. Из глаз Астаарты текли кровавые слёзы. Она кружилась в своём бешеном танце, играя с языками огня. Лаская их, как мужскую плоть, и купаясь в них. Языки пламени обжигали меня всё сильнее. Я чувствовал, как они взбираются по моим ногам, моему телу, всё ближе к сердцу, чтобы выжечь его навсегда. Невероятная боль заставляла моё лицо скорчиться в гримасе.

Я отшатнулся. Астаарта расхохоталась.

– Увидел что-то не то?

– Нет... – пробормотал я, всё ещё содрогаясь от воображаемой боли. – Нет! – уже твёрже сказал я. – Лишь то, что ожидал увидеть.

Она схватила меня за руки.

– Хочешь увидеть по-настоящему?

– Хочу, – быстро и хрипло ответил я.

В детстве родители часто ставили меня в угол. Это было вполне справедливым наказанием. Конечно, понятие «угол» было очень относительным. Иногда это был действительно угол комнаты. Рядом с ним находилась дверь. Я открывал эту дверь так широко, чтобы между ней и стеной оставалось как можно меньше места. Я как будто прятался в своём углу от всего мира. Другим моим «углом» была самая середина комнаты, поделённая полоской свободного пространства между двумя шкапами, стоящими у стены. Очень мучительно стоять на одном месте, окидывая взглядом уже знакомые предметы моей детской комнаты. Все эти предметы очень сильно врезались мне в память. Модель пожарного катера, мохнатый медведь в бархатных штанах, старый потёртый диван, коричневое кресло. Эти предметы были мне до жути знакомы и неинтересны. Тогда я нашел вход в другой мир.

Это было всего лишь солнечное пятно на лакированной стенке шкафа. Мать гладила бельё на гладильной доске где-то позади меня, строго поглядывая, чтобы я не вертел головой, а стоял, упершись носом в стенку. Таким образом, мне не оставалось ничего другого, кроме как разглядывать след солнечного луча. Я вглядывался в него и вдруг понял: это окно! Я воочию увидел мир в глубине солнечного луча. Там были зелёные лесные заросли и из кустов высовывалась голова оленя. Я был в восторге. Я закричал: «Мама! Мама! Там, на другой, стороне есть лес!». Однако мама покачала головой и строго сказала: «Не говори глупостей, а то стоишь здесь ещё час». А я приник к солнечному лучу, рассматривая свой мир.

Ах, мама, мама... Сколько раз ты подрезала мои крылья, чтобы я не улетел. И теперь я совсем без крыльев. Я упал, но упал не на землю, а гораздо ниже. И Тот, кому принадлежит темнота подземелий, принял меня в свои объятия. Теперь, чтобы увидеть другой мир я не буду смотреть глазами, я буду смотреть через раствор ЛСД.

Раствор начал действовать. Мне не нужны были наркотики, чтобы расслабиться или покайфовать, но я хотел видеть. И те, кто шёл за нами и хотел видеть, тоже искали путь через ЛСД.

ЛСД – это вселенская дверь. Добро пожаловать все те, кто идет за нами. Через эту дверь вы войдете в тот мир, о котором вам талдычат всякие мистико-идиотские издания.

В уголке левого глаза Астаарты появилась блестящая тёмно-красная слеза. Она прокатилась по щеке, оставляя кровавый след. За её плечами возникли два тёмных крыла. Они слегка вздрагивали, словно хотели распусться полностью и насладиться свободой полета.

Она протянула мне руку. Я положил свою ладонь ей на запястье.

– Пойдём? – спросила она.

Я встал и провалился по колено в пол. Она подхватила меня, и мы стали кружиться в одном из привычных нам безумных вальсов. Спокойствие классической музыки и наш дикий танец составляли в целом нелепую картину, но нам было плевать.

Мы наслаждались друг другом.

Моя милая Астаарта. Видел ли я тебя до этого дня? Знаю ли я тебя? Мне кажется, что знаю. Ты девушка моих снов. Я так ненавижу тебя за то, что ты так долго шла ко мне. И за то, что наконец пришла. Я смотрю в твои глаза и не могу насмотреться. Убей меня, но я смотрю в твои глаза и не могу насмотреться, потому что это твои глаза. Я точно знаю, что люблю тебя. Люблю безумно, всепоглощающей любовью. Я не отдам тебя никому, и ты никогда, слышишь, никогда не должна покидать меня! Дай я расскажу тебе о своей любви. О, я прошу, не закрывай мой рот! Нет, милая, дай я расскажу!

Я люблю тебя грозной любовью, как море любит шторм. Я, как и оно, волнуюсь перед твоим приходом. А когда ты приходишь, то начинается буря.

Я люблю тебя, как небо любит грозу. В какой бы тьме я ни находился, твоё присутствие, словно молния, освещает мой путь. О, моя прекрасная, бесконечно любимая женщина!

Я знаю, что ты ангел. Я знаю, что ты Падший ангел. Но мне всё равно. Мне всё равно, сколько мужчин любили тебя до меня, как твоё имя и сколько тебе лет. Раньше я восхищался твоим телом. Убей меня, но я и сейчас им восхищаюсь. Восхищаюсь, как жрец восхищается агнцем, которого он приносит в жертву.

Я люблю тебя, как пожар любит лес. Я хочу, чтобы ты была со мной, только со мной, всю эту долгую адскую вечность. Лишь твоё присутствие скрасит моё одиночество в Аду. И если ты со мной, то Ад мне покажется Раем. И все яблоки этого Рая будут твои. Я не Бог и не настолько жаден, чтобы жалеть яблоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.